

Лисьи пословицы и поговорки

Недопёсок тоже решил приложить лапу к «Лисьему Дао» и старательно записал в книжечку некоторые из своих измышлений.

Шерсть распуши — врага устраши.

Матёрому лису — что мыши, что крысы.

Пролезла морда — и остальное протиснется.

Не можешь переспорить — затяжкой.

Не скрипи на тех, у кого гуще мех.

С лапы по горсти — лису нора.

Нору копай — а ухо держать остро не забывай.

Чужие хвосты не считай.

Не смог доесть — не плачь, а в шерсти на боку припрячь.

Любопытство крота сгубило и лису обед подарило.

Две лисы дерутся, а третьей тумачи достаются.

[754] Ху Сюань впервые видит снег

— Куда теперь? — спросил Лао Лун.
— Хочу посмотреть на снег, — без колебаний заявила Ху Сюань.

Когда Лао Лун рассказывал ей о мире смертных, Ху Сюань очень заинтересовал именно снег, и Лао Луну пришлось прячь воображение, чтобы объяснить, на что тот похож.

— Это пух, только холодный и тает, как лёд. Ты знаешь, что такое лёд?

Ху Сюань кивнула утвердительно. Лисы использовали лёд для разных нужд, в том числе чтобы лизать в особенно жаркий день — охлаждаться.

Добывали же лёд так: в поместье Ху был вырыт очень глубокий колодец. В него спускали бадью с водой и оставляли на ночь. Когда наутро бадью вытаскивали, она была наполнена уже не водой, а льдом. Лисы вытряхивали лёд из бадьи, распиливали и растаскивали кто куда, а бадью вновь наполняли водой и опускали в колодец.

Лисьи знахари использовали лёд в медицинских целях, но Ху Сюань нравилось и просто рассасывать холодный кубик, гоняя его языком по рту. У воды, превратившейся в лёд, был особенный привкус.

— Если снег похож на пух, — заметила Ху Сюань, — то в нём можно и вывалиться?

— Можно, если не боишься замёрзнуть, — подумав, ответил Лао Лун.

— Лисы холода не боятся, — сказала Ху Сюань с лёгким снисхождением в голосе.

Лисы, может, и не боялись холода, но любили погреться на солнышке или сбиться в кучу и греться друг о друга. Мех у них тогда распушался, и лисы становились похожими на меховые шары, исполненные важности.

— Тогда — на север, — решил Лао Лун. — Чем севернее, тем холоднее, а значит, и снега больше.

Он не поднимался слишком высоко в небо, чтобы дать Ху Сюань возможность посмотреть на мир смертных, над которым они пролетали.

Хроники того года впоследствии запестрели упоминанием «Парада драконов». В действительности дракон был всего один, но люди склонны преувеличивать, потому насчитали целый гурт*.

Далеко на север Лао Лун не полетел, снег можно было отыскать и в горах. Он выбрал наиболее заснеженную вершину и стал опускаться. Ху Сюань зачарованно глядела на мерцающее снежное покрывало. Этот блеск что-то напоминал, но она не сразу поняла, что именно, а когда поняла, то на мгновение лицо её омрачилось: так же серебрился мех её учителя, Ху Баоциня.

— Что? — отозвался Лао Лун, почувствовав изменение в её ауре.

— Ничего, — тут же очнулась Ху Сюань. — Просто... глаза слепит, непривычно.

— День солнечный потому что, — сказал Лао Лун, спускаясь ниже и зависая над снежным склоном горы.

Ху Сюань задумчиво поглядела вниз и спросила:

— Как думаешь, в снеге можно лисовалиться?

— Если не боишься намочить шерсть, — ответил Лао Лун и собирался добавить, что для этого лучше спуститься в долину, потому что снег в горах...

Ху Сюань превратилась в лиса и прыгнула со спины дракона в снег.

— Сюань, — кашлянул Лао Лун, подавившись смешком.

Снег в горах для лисоваления однозначно не подходил. Шух! и кудрявая лиса провалилась в снег по самые уши: виднелся только кончик хвоста и слышалось сердитое тьяканье. Смешок Лао Луна Ху Сюань, конечно же, расслышала и высказала всё, что думает по этому поводу. По-лисьи.

— Ты не лисовальнулась, а лисо... провальнулась, — усмехнулся Лао Лун, превратившись в человека и зависнув над лисопровалом.

Нужно было сообразить, как вытащить Ху Сюань из снежной ловушки. За хвост?

* Гурт — стадо, толпа.

— Хватит издеваться! Помоги мне выбраться! — ещё более сердито затыкала Ху Сюань. — Я выпрыгну, а ты меня подхватишь.

— Хорошо, — согласился Лао Лун. План был хорош.

Ху Сюань изловчилась и прыгнула, но Лао Лун не успел её подхватить, и кудрявый лис провалился обратно в снег — чуть дальше от первого лисопровала.

— Ты не в длину прыгай, а вверх, — сказал Лао Лун, когда в ушах отзвенела лисья ругань, стократно помноженная на горное эхо.

— Я тебе что, заяц? — проворчала Ху Сюань, и кончик её хвоста, едва виднеющийся из снега, встопорчился.

— Мышкуют же лисы? — возразил Лао Лун. — Это то же самое. Только вверх.

Из снежного лисопровала послышалось скрипение. Если лиса начинает скрипеть, то дело плохо! Разумеется, для того, на кого она скрипит. Лао Лун поспешил сделать серьёзное лицо и развёл руки в стороны.

— Прыгай, я подхватчу, — пообещал он.

Ху Сюань ещё немного поскрипела из снега, прежде чем попытаться снова. Лисы долго успокаиваются. Потом она изловчилась и прыгнула — прямо на руки Лао Луна. Тот крепко прижал её к себе и отлетел чуть дальше, к ледяной насыпи, едва присыпанной снегом. Ху Сюань с рук он спускать не спешил, машинально поглаживая её кудрявую шерсть и выбирая из неё снежные комочки.

— Эй, — завозилась Ху Сюань, упираясь лапами ему в грудь, — сколько раз тебе говорить? Я тебе не ручная зверушка, не надо меня гладить!

Лао Лун с явным сожалением наклонился и поставил Ху Сюань рядом с собой на ледяную насыпь. Кудрявый лис тут же обнюхал снег, поскрёб лапой и удивлённо тявкнул: этот не проваливался. Лао Лун объяснил, что снег бывает разный.

— А раньше нельзя было сказать? — ворчливо сказала Ху Сюань, превращаясь в человека. — До того, как я лисонавернулась?

— Ты не дослушала, — возразил Лао Лун. — Я собирался сказать, что снег здесь слишком глубокий для лисоваяния.

Ху Сюань опустила на одно колено, взяла пригоршню снега и стала его разглядывать, иногда поднося к лицу и пробуя кончиком языка то с одной стороны, то с другой.

— Что ты делаешь? — удивился Лао Лун.

— Лисье любопытство, — кратко, но ёмко ответила Ху Сюань и по-лисийски наморщила нос.

Ей было любопытно, какой снег на вкус и отличается ли ото льда в поместье Ху. А ещё казалось забавным, что снег мягкий, но комкается в пальцах и превращается в ледышки. Забавлялась она этим так долго, что пальцы у неё озябли и покраснели. Лао Лун, заметив это, решительно отнял у Ху Сюань «игрушку» и, взяв её руки в свои ладони, хорошенько на них подул.

— Ещё простудишься, — ворчливо предупредил он.

— Лисы не простужаются, — назидательно заявила Ху Сюань. И чихнула.

[755] Собирая гербарий

— Куда дальше? — осведомился Лао Лун деловито, подхватив Ху Сюань на руки.

— Ты не превратился в дракона, — напомнила Ху Сюань, завозившись у него на руках.

— Я и так переполоха наделал. Ху Сюань заметила, что даже в человеческом обличье у Лао Луна под сапогами так же завиваются облачка, как и в драконьем: от них драконы отталкивались лапами, когда перемещались по воздуху, и, понятное дело, сделаны они были из облаков. Лао Лун сказал, что придал духовной силе такой вид, когда увидел в древней книге мира смертных изображение дракона. Ему показались забавными эти завитушки. Древний художник, не мудрствуя лукаво, рисовал так не только облака, но и волны, и огонь, и дым, и даже кисточку на хвосте драконов. А небесные звери потом подсмотрели за своим царём и стали тоже использовать похожие облачка при полётах.

— Хочешь поглядеть на цветы мира смертных? — спросил Лао Лун.

Они уже летели прочь от гор. Земли внизу напоминали лоскуты пришитой друг к другу ткани разных цветов и форм.

— Но я ведь не знаю, как они называются, — с лисьезнахарской ноткой в голосе возразила Ху Сюань.

— Тогда... — задумчиво протянул Лао Лун, — почему бы не заглянуть в город и не купить какой-нибудь травник? Уверен, люди додумались до того, чтобы записывать названия растений в книгу.

Ху Сюань так воодушевилась предложению, что у неё на голове вылезли лисьи уши. Лао Лун преодолел искушение прикусить кончик уха, который был, конечно, совсем рядом с его лицом... Но тогда Ху Сюань рассердилась бы.

— Только уши спрячь, — со вздохом сказал Лао Лун. — Вон тот город кажется многообещающим: в большом городе непременно должны быть книжные лавки.

Они предусмотрительно спустились на землю вдалеке от города и оставшийся путь проделали пешком, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ху Сюань по дороге поймала мышь и со вздохом отпустила её.

— Что с тобой? — удивился Лао Лун, заметив, что по её лицу проскользнула тень.

Ху Сюань совершенно серьёзно ответила, что соскучилась по своей белой мышке, которую оставила на Верхних Небесах. С собой она её не взяла: кто знает, как на обычной мышке скажется сошествие с Небес в мир смертных? Она поручила её заботам одного из слуг дворца Тайлуна, наказав хорошенько приглядывать за зверьком.

Мышка к тому времени избаловалась и была капризной донельзя: ела только еду со стола царя зверей, спала на шёлковой подушке, которую Ху Сюань смастерила специально для неё — очень кропотливая работа, ведь подушка должна была помещаться в клеточку, которую Ху Сюань носила на поясе.

В городе Ху Сюань тоже всё было интересно, так что до книжной лавки они добрались нескоро. Лао Лун терпеливо ждал, когда Ху Сюань преодолеет очередной приступ любопытства, и тогда они уже шли дальше. В книжной лавке посетителей не оказалось

— Потому что книги страшно дорогие, — сказал Лао Лун, когда Ху Сюань удивилась, — особенно если сделаны из настоящей бумаги. Свитки — те дешевле: бамбука везде полно.

Для Ху Сюань, да и для Лао Луна тоже, бумага не была признаком роскоши. В мире демонов бумагу изготавливал клан осиных демонов, а шёлковую бумагу — клан шелкопрядных. На Небесах за изготовление бумаги отвечал павильон бога

деревьев, поскольку для бумаги использовалась древесина. Работа была налажена хорошо, недостатка в бумаге ни там, ни там не было, и библиотеки обоих миров ломались от книг.

Ху Сюань сразу же подошла к полкам, на которых стояли выставленные на продажу книги, и принялась искать нужную. Лао Лун остановился в дверях, разглядывая книжную лавку в целом.

— Книги — дорогое удовольствие, — меланхолично сказал владелец книжной лавки, едва подняв на них глаза. Видно, у него покупатели были нечастые гости.

Лао Лун сунул руку за пазуху, вытащил и небрежно бросил на прилавок несколько драгоценных камней:

— Этого хватит?

Владелец книжной лавки вытаращился сначала на камни, потом на Лао Луну и только теперь признал в нём состоятельного господина. Он сразу же сделался до тошноты услужливым. За эти несколько камней можно было купить поллавки!

Ху Сюань наконец отыскала «Травник» — толстенную громоздкую книгу в потрепанной обложке.

— Уверена, что тебе нужна именно эта? — выгнул бровь Лао Лун. — Выглядит она...

— Она с картинками, — многозначительно сказала Ху Сюань, прижимая книгу к себе.

— А, ну если так, — отозвался Лао Лун, не вполне понимая её восторг.

Они вышли из книжной лавки, владелец долго кланялся им вслед.

— Так я смогу опознать каждое растение, которое увижу, — объяснила Ху Сюань, заметив, что Лао Лун ничего не понял, — только мне нужно её для начала прочесть.

Она поискала глазами в поисках какого-нибудь укромного уголка, но Лао Лун сказал, что лучше зайти в таверну и занять стол на балконе: и мешать никто не будет, и чай можно попить. Одного драгоценного камня хватило, чтобы им выделили целую ложу и дюжину слуг. Лао Лун велел принести чаю и всех слуг отослал. Он полагал, что чаепитие будет долгим: книга-то толстая.

— Ну всё, пошли искать цветы, — воодушевилась Ху Сюань буквально через несколько минут, Лао Лун только-только

успел третью чашку пригубить. — Нужно отыскать какую-нибудь лесную поляну. Раздел о лесных растениях выглядит наиболее впечатляюще.

— Разве ты уже всё прочла? — удивился Лао Лун.

— Да что тут читать-то? — небрежно пожала плечами Ху Сюань. — Не только прочла, но и запомнила растения, которые в книге описаны.

— Ого! — с уважением присвистнул Лао Лун.

Город они покинули пешком, но на лесную поляну Ху Сюань Лао Лун донёс прежним способом — держа на руках.

— О! — Ху Сюань восторженно разглядывала поляну.

Тут же спохватилась, вытащила из цяньюня какой-то странный деревянный ящичек и поставила его на землю.

— Это что? — удивился Лао Лун.

— Для гербария. — Она потёрла руки и решительно вклинилась в высокую траву.

— О! Ого! — то и дело раздавалось из травы.

— Ты смотри, чтобы тебя пчёлы не покусали, — предупредил Лао Лун.

— Лисы пчёл не боятся, — отозвалась Ху Сюань откуда-то из травы. — Ай!..

Вероятно, пчела её всё-таки ужалила. Но Ху Сюань не обратила на такой пустяк никакого внимания и продолжала целенаправленно углубляться в траву. Судя по всему, она уже ползала по поляне на четвереньках, настолько увлеклась.

«Видимо, это надолго», — подумал Лао Лун и решил вздремнуть немного. Трава здесь была мягкая и ароматная, самое то для дневного сна.

Когда он проснулся, то увидел, что Ху Сюань спит рядом, уткнувшись носом ему в бок. Одежда её была перепачкана в цветочной пыльце, а на волосы нацеплялись травинки и веточки. Деревянный ящичек, который она прижимала к себе, битком был набит травой и разными соцветиями.

«Хорошо потрудились», — подумал Лао Лун, осторожно поцеловав Ху Сюань в макушку.

Жаль только, даже во сне Ху Сюань себя полностью контролировала и кудряшки не вылезли.

[756] Небесный наставник для смертного императора

Пожалуй, можно было уже перестать удивляться, когда с Небес что ни день, то кто-нибудь спускается, но как тут не удивляться, когда вместе с драконами в мир смертных слетели и фениксы? То есть Мин Лу подумал, что это фениксы, потому что у гигантских птиц было золотое оперение и длинные узкие хвостовые перья. А ещё потому, что от них при сошествии разлетались в разные стороны огненно-красные искры.

— Это не фениксы, — снисходительно сказал один из драконов, услышав Мин Лу. — Какой прок посылать фениксов? Они очень небрежно строят гнёзда: всё равно спялят однажды, так зачем утруждаться и строить на века? Это хвостатые драконы птицы, лучше них гнёзда на Небесах никто не вьёт.

— А как же драконы? — уточнил Мин Лу.

— Драконы гнёзда не вьют, — оскорбился дракон и прекратил разговор.

Мин Лу слонялся у начатого павильона, пока небесные строители не велели ему слоняться где-нибудь в другом месте: никому не хотелось ненароком зашибить смертного императора.

— Мин Лу, — сказал Ли Цзэ, — возвращайся во внутренний сад. Шанцзян-цзинь спустится с минуты на минуту.

Мин Лу был страшно недоволен, что к нему приставили наставника. Когда Ли Цзэ об этом объявил, юный император устроил настоящую истерику. Он считал, что уже знает всё, что полагается знать императорам, и не хотел учиться чему-то ещё. А если он чего-то не знает, так зря, что ли, на него навешали этого советника-советчика, будь он неладен! Как он посмел безраздельно завладеть вниманием его молочного брата? Но эти двое, Ван Жунсин и Чжу Вансян, объединились против него и приняли сторону бога войны. И даже матушка сочла хорошей идеей поучиться у небожителя.

— Предатели, — потрясённо прошептал Мин Лу, — меня окружают одни предатели.

— Лу-эр, — укоризненно вздохнул Ван Жунсин.

— Шанцзян-цзинь, — сказал Ли Цзэ примирительно, — младший из богов войны. Вам будет интересно вместе, поскольку разница в возрасте у вас небольшая.

— Всего-то тысяча лет, — ядовито уточнил Мин Лу.

— Ему было двадцать, когда он вознёсся, — терпеливо объяснил Ли Цзэ. — Он достаточно молод, чтобы стать для тебя не только наставником, но и другом.

Мин Лу кисло сказал, что он лучше бы с чёрной лисой подружился, чем заводить дружбу с богом войны. На это Ли Цзэ ответил, что у лисьего духа смертный император вряд ли выучится чему-нибудь полезному.

«Разве только лисьи дули богам показывать», — мысленно закончил Ли Цзэ.

Недопёсок, кстати говоря, и не собирался дружить с Мин Лу. Он-то помнил, по чьему приказу его сунули в мешок! А вот с Су Илань они были на короткой лапе. Сяоху так считал: тот, кому нравятся его подкопы, плохим быть не может. К тому же Су Илань сводила Недопёска в императорский лес и показала ему, где находятся змеиные гнёзда и колонии грызунов. Вредителей в последнее время расплодилось, и Сяоху вызвался устроить в лесу «лисью чистку» — переловить и переест лишних. Некогда ему дружить со смертным мальчишкой, у которого даже не хватает ума, чтобы запомнить, что он не лиса, а лис.

В общем, пришлось Мин Лу возвращаться во внутренний сад и ждать Шанцзян-цзиня. Учиться у младшего бога войны юный император желанием не горел и не собирался.

«Убедить его, что я и так всё знаю, — решил Мин Лу после размышлений, — и дело с концом. Увидит, что нечему меня учить, и уберётся обратно на Небеса».

Мин Лу был в себе даже уверен. Его с самого детства учили обращаться с оружием, и он считал, что неплохо владеет мечом. Истории о Ли Цзэ он знал буквально наизусть, так что имел представление о том, как Ли Цзэ правил в смертной жизни. Если этому Шанцзян-цзиню вздумается его экзаменовать, он засыплет его цитатами из прочитанных книг. Шанцзян-цзинь скажет Ли Цзэ, что Мин Лу в дальнейшем обучении не нуждается, и тогда от него отстанут.

План был хорош, и Мин Лу воцарился во внутреннем саду, дожидаясь сошествия младшего бога войны.

Шанцзян-цзинь воспользовался собственной духовной силой для сошествия, так что в саду появился внезапно и без

фанфар. Портал ещё предстояло починить: на Небесах вокруг него ходили настройщики, озадаченно чесали затылки и никак не могли взять в толк, отчего испортился.

Мин Лу едва не подскочил на месте, когда младший бог войны появился прямо перед ним. В прошлый раз он видел его лишь мельком и теперь беззастенчиво на него уставился.

Шанцзян-цзинь явился закутанным в плащ с широкими наплечниками. Доспехи он надевать не стал, рассудив, что для обучения юного императора они не понадобятся, да и вообще воспринял это поручение как возможность отдохнуть от небесных дел. Наставлять смертных ему ещё случая не представлялось, но другие боги рассказывали, что это легко и просто, ведь смертные — все равно что дети.

— Шанцзян-цзинь прибыл, — доложил младший бог войны, сделав вид, что не замечает неподобающе пристального взгляда юного императора.

— Это твоё имя? — уточнил Мин Лу. — Странное оно какое-то, и произносить его сложно. Я не буду тебя так называть. Придумай какое-нибудь другое.

Шанцзян-цзинь изумлённо уставился на него:

— Что значит — придумай? У каждого то имя, какое ему дали. С какой стати его менять?

— С такой стати, что я император и не хочу ломать язык, выговаривая его, — отчеканил Мин Лу. — Да и вообще оно на имя не похоже. Слишком длинное, нужно его сократить.

— Со... сократить? — задохнулся Шанцзян-цзинь. — Несказанно невежливо осуждать чужое имя.

— Я император, мне можно, — уверенно объявил Мин Лу. — Если хочешь быть моим наставником, назовись как-нибудь иначе. Я уже два раза язык прикусил, пытаюсь его выговорить.

Шанцзян-цзинь выразительно на него посмотрел, но Мин Лу нисколько не смутился. Он император, он может говорить что заблагорассудится, тем более язык действительно болел.

— Шанцзян-цзинь — так полагается обращаться к младшему богу войны, — сказал наконец Шанцзян-цзинь. — Это военный чин, а не имя.

— Я так и знал, — торжествуя кивнул Мин Лу. — И как тебя зовут на самом деле?

— Этого я тебе не скажу, — возразил Шанцзян-цзинь. — Настоящие имена богов должны оставаться скрытыми от смертных.

— Ли Цзэ это скажи, — посоветовал Мин Лу. — Все называют его по имени.

— Генерал Ли — старший бог войны. И ты так уверен, что по-настоящему его зовут именно так?

— Его зовут так, как он себя называет. Я знаю, что он принадлежал к династии Хэ, но в легендах никто и никогда не называет его Хэ Цзэ, потому что он основал царство Ли и назвался Ли Цзэ.

— Ты знаешь древнюю историю, — несколько удивился Шанцзян-цзинь.

— В этом царстве поклоняются богу войны, — надменно сказал Мин Лу. — Конечно же, я знаю древнюю историю. Я вырос на рассказах о Ли Цзэ. Моя ма... Священная змея рассказывала мне о нём. Его испокон веков звали Ли Цзэ. Поэтому ты должен придумать себе имя покороче и попроще.

— Не вижу связи, — нахмурился Шанцзян-цзинь. — Если тебе брошен вызов, ты должен его принять. Почему другие должны менять свои имена, если ты не можешь их выговорить?

— Потому что я император! И все должны меня слушаться.

— Я бог, а не твой поданный, — возразил младший бог войны. — Я тебя слушаться не обязан.

— Раз тебя приставили ко мне наставником, — вздернул нос Мин Лу, — это делает тебя моим поданным, а значит, слушаться ты меня обязан. Или я сам тебе имя придумую.

«И почему он ещё не бежит отказываться от должности наставника?» — подумал Мин Лу в то же самое время. Он ведь уже долго испытывает его терпение.

Но Шанцзян-цзинь и ухом не повёл. Старший бог войны дал ему поручение, и он его выполнит. Хотя, признаться, нахальство смертного мальчишки вызывало стойкое желание взять и выдрать его за ухо. Не будь он императором...

— Тебе придётся называть меня Шанцзян-цзинем, — сказал младший бог невозмутимо. — Император ты или нет, к наставникам и вообще старшим нужно обращаться с должным почтением.

— Тогда я буду называть тебя дедулей!

— Де... что? — потрясённо переспросил Шанцзян-цзинь.

— Пусть ты и выглядишь молодо, — довольно пояснил Мин Лу, — но тебе ведь один Шинсяо знает сколько лет, поэтому будет только справедливо называть тебя дедулей.

[757] «Дедуля» с секретом

— Неслыханно! — воскликнул Шанцзян-цзинь. — Ты не можешь так ко мне обращаться!

— Почему? — невинно спросил Мин Лу. — Это же должное почтение, которого ты от меня потребовал, дедуля.

— Не смей!

— Тогда я вообще никак не буду тебя называть, — решил Мин Лу. — Всегда можно просто «тыкать».

Шанцзян-цзинь кое-как справился с нахлынувшим на него раздражением, напомнив себе, что это поручение старшего бога войны и его нужно выполнять, даже если всё существо восстаёт против. Ему ещё нужно было решить, чему учить Мин Лу, и он подумал: «Манерам уж точно».

Мин Лу, словно бы догадавшись о его мыслях, спросил:

— И чему ты будешь меня учить?

— Для начала я тебя проэкзаменую, — объяснил Шанцзян-цзинь. — Погляжу, как ты управляешься с мечом.

— Ты же бог. Понятное дело, что у меня не будет ни шанса. Это не честно.

— Я не буду использовать духовную силу, так что всё честно. У тебя ведь есть меч?

Меч у Мин Лу был, и он даже принёс его с собой, но пока ждал сошествия небесного наставника, приставил его к дереву — устал держать. Он сходил и принёс его. Этот меч передавался в династии из поколения в поколение и был выкован в незапамятные времена, но всё же не настолько давно, чтобы быть ровесником Ли Цзэ или Шанцзян-цзиня. Тем не менее, это было хорошее оружие.

— Вот только он не заточен, — заметил Мин Лу. — Его нельзя заточить: лезвие на другой же день становится тупым. Такие называют мечами мира.

— Мы ведь не собираемся сражаться, — возразил Шанцзян-цзинь. — Церемониальное оружие подойдёт.

— Ага, — сказал Мин Лу непередаваемым тоном, — а у самого-то боевое оружие. Я даже отсюда вижу, какой он острый.

— Я ведь даже не вытащил его из ножен, — после озадаченной паузы произнес Шанцзян-цзинь. — Откуда ты знаешь, что он острый?

— Оттуда, что ты бог войны, а я сильно сомневаюсь, чтобы боги войны носили затупленные мечи. Какие же они тогда боги войны после этого?

Меч у Шанцзян-цзиня действительно был наточен. Остроту клинка проверяли, бросая на него шёлковый платок. Шанцзян-цзиню не пришлось бы даже взмахивать мечом, чтобы рассечь его, настолько тот был остер.

— Я могу не вынимать его из ножен, — подумав, сказал Шанцзян-цзинь, — если ты боишься пораниться.

— Неслыханно! — воскликнул Мин Лу тем же самым тоном, что и Шанцзян-цзинь. — Это прямое оскорбление императора!

— Тогда ладно, — пожал плечами Шанцзян-цзинь и обнажил меч.

— Я, конечно, не бог войны, — протянул Мин Лу и вытащил меч из ножен, — но в себе уверен. Меня с детства учили обращаться с оружием.

— Вот и поглядим. Младший бог войны даже не снял плаща, полагая, что в поединке смертного и небожителя преимущество остаётся за последним. Духовную силу он, как и обещал, не использовал. Но Шанцзян-цзинь не ожидал, что Мин Лу действительно умеет обращаться с мечом и окажется достаточно сильным, чтобы даже начать его теснить. Мин Лу был сильным, хоть по его виду и не скажешь. Для смертного, разумеется.

Они в очередной раз скрестили мечи. Мин Лу поднажал и едва ли не упёрся плечом Шанцзян-цзиню в грудь. Но он тут же отскочил и опустил меч, с растерянным видом поглядев на своё плечо. Ему показалось, что он упёрся во что-то мягкое, в то, чего у бога войны не должно быть по определению. Мин Лу уставился на Шанцзян-цзиня.

— Что это ты так на меня смотришь? — не понял тот.

— А у тебя... — начал Мин Лу, но не стал договаривать. Видимо, взгляд его был настолько красноречив, что Шанцзян-цзинь всё понял. Он выронил меч и руками крест-накрест закрыл грудь. На лицо его напозла краска негодования.

— Ага, — сказал Мин Лу потрясённо, — так ты не дедуля, а бабуля?

Шанцзян-цзинь заскрипел зубами. Отправляясь в мир смертных, он не надел доспехи, полагая это излишним. Но этот смертный мальчишка узнал его тайну, которую он тысячи лет скрывал, просто случайно врезавшись в него плечом во время поединка.

— Ты... — протянул Шанцзян-цзинь, направляя на него меч.

— Если ты женщина, — сказал Мин Лу озадаченно, — зачем притворяться мужчиной?

— Потому что все боги войны мужчины.

— Ну, была бы богиня войны, а не бог, — возразил Мин Лу, потирая плечо, всё ещё хранившее мягкость чужой груди. — Что это ты так на меня смотришь? — тут же вскинулся он, потому что взгляд Шанцзян-цзиня ничего хорошего не предвещал.

— Да вот размышляю, убить тебя или просто отрезать тебе язык, чтобы ты не сболтнул лишнего генералу Ли, — совершенно серьёзно сказал Шанцзян-цзинь, задумчиво поглядывая на свой меч.

[758] Богиня войны

— Со мной так нельзя поступать, — важно и с назиданием заявил Мин Лу, — царство во мне нуждается.

— Думаю, царство переживёт, — пробормотал Шанцзян-цзинь, но меч всё же вложил в ножны.

Что бы он сказал Ли Цзэ, если бы действительно заставил Мин Лу навсегда замолчать? Что на тренировке допустил оплошность и не рассчитал силу удара? Простых смертных убивать было запрещено Небесным Дао, и никакие оправдания не смягчили бы суровости приговора — разжалования из богов и ссылки на Нижние Небеса, а то и вовсе в мир смертных, чтобы на своей шкуре прочувствовать, как тяжко живётся обычному человеку.

— Ну правда, — не унимался Мин Лу, — зачем скрывать-то? На Небесах, я слышал, богинь полным-полно.

— Богинь войны не бывает.

— Но ты-то как-то вознёс... лась, — споткнулся Мин Лун на слове, — причём сразу в боги войны.

Шанцзян-цзинь поморщился, но ответил, переходя на «женскую речь»:

— При жизни я переделась мужчиной, чтобы пойти на войну. Но женщинам было запрещено участвовать в сражениях. Если бы меня разоблачили, то немедленно казнили бы.

— А тебя разоблачили? — наострил уши Мин Лу. Он любил слушать старые истории.